

Л. А. ГИНДИН

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ «ПЕЛАСГСКОГО» ДОГРЕЧЕСКОГО СЛОЯ¹

С тех пор как Вл. Георгиев в начале 40-х годов выступил с гипотезой об индоевропейском характере догреческого субстрата и реконструировал так называемый «пеласгский» язык, даже среди ученых, безоговорочно признающих и развивающих упомянутую теорию, не прекращаются споры вокруг весьма принципиального вопроса, считать ли «пеласгский» язык реликтом некой самостоятельной ветви индоевропейских языков или целесообразнее связать его с каким-нибудь индоевропейским диалектом на уровне исторически засвидетельствованных языков. Решение этого вопроса во многом определяет выбор методики исследования, наиболее эффективной для изучения «пеласгского» догреческого слоя.

Опуская подробности, мнения по данной проблеме позволительно распределить следующим образом. А. Ван-Виндекенс, В. Мерлинген, О. Хаас, Я. Харматта и некоторые другие выступают за особый язык². Взгляды самого Вл. Георгиева не составляют единства: в более ранних своих работах он так же говорит об особом языке, включая его вместе с хеттским и лувийским в южноиндоевропейскую группу и рассматривая фракийский и иллирийский в качестве переходного звена между северной и южной зоной индоевропейских языков³. В книге же «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» (М., 1958, стр. 281) Вл. Георгиев постулирует фракийско-пеласго-термилскую переходную подгруппу, говоря при этом, что, «по всей вероятности фракийский и пеласгский — это два варианта одного и того же фракийско-пеласгского языка». Однако в одной из относительно недавних своих работ⁴ «пеласгский» — снова особый язык, занимающий промежуточное «положение между фракийским и хетто-лувийским, хотя и очень близкий к последнему, но не идентичный ему». Вслед за Вл. Георгиевым мысли о близком родстве «пеласгского»

¹ Настоящая статья представляет собой расширенный и переработанный вариант французского текста доклада, прочитанного автором на Международном симпозиуме по этногенезу балканских народов, проходившем в Пловдиве с 23 по 29 апреля 1969 г.

² См.: A. J. Van Windekens, *Le pélasgique*, Louvain, 1952, стр. 151 и сл., и др. работы; W. Merlingen, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien, 1955, стр. 41 и сл.; O. Haas, *Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland*, «Балканское языкознание», I, 1959, стр. 29 и сл.; J. Harmatta, *Das Pelasgische und die alten Balkansprachen*, там же, IX, 1, 1964, стр. 41 и сл.

³ См., например: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, I, Sofia, 1941, стр. 154; ср.: В. И. Георгиев, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, 1, стр. 66, где указывается, что фракийский наряду с греческим и индоиранским образуют центральную подгруппу центрально-индоевропейской группы языков.

⁴ V. Georgiev, *Les deux langues des inscriptions crétoises en linéaire A*, Sofia, 1963, стр. 5.

языка с анатолийскими неоднократно высказывал А. Карнуа⁵; в предисловии к последней своей монографии покойный автор предпочел, впрочем, серьезно не аргументируя это, назвать язык догреческого субстрата фрако-пеласгским⁶. Наконец, А. Хойбеку после новой ревизии фактов весь догреческий слой, включая «пеласгский», без достаточных оснований представляется анатолийским, или, в его терминологии, «западнохетским»⁷.

В свете столь различных взглядов возникает необходимость еще раз сосредоточить внимание на отношении «пеласгского» к другим реликтовым языкам Балканского п-ова, в данном случае к фракийскому, и провести сравнение по всем возможным при современном уровне наших знаний об указанных языках координатам. Почему в качестве второго члена сравнения избран именно фракийский, выяснится по мере изложения. И последнее предваряющее замечание: под «пеласгским» здесь понимается один из компонентов гетерогенного догреческого субстрата, который остается за вычетом элементов анатолийского происхождения⁸.

1. Данные формантного анализа. Значение формантного анализа топонимии с последующим картографированием, с нашей точки зрения, заключается в том, что географическая дистрибуция топонимических словообразовательных элементов очерчивает районы, в пределах которых в первую очередь следует искать материал для исследования во всех прочих аспектах. Среди догреческих суффиксальных элементов лишь *-vθ-* (элемент *-θ-* редок) за небольшим исключением однозначно свидетельствует о «пеласгском» происхождении топонимических и апеллятивных лексем, так как только в языке с передвижением согласных, какими были «пеласгский» и фракийский, возможна эволюция и.е. **-nt-* в *-nth-* (греч. передача *-vθ-*). Топонимический (и антропонимический) ареал *-vθ-* включает территорию собственно Греции с прилегающими островами Эгейского моря, Фракию, частично Македонию. Эпицентр распространения *vθ-* образований правомерно постулировать в центрально-восточных районах Балканского п-ова, т. е. в ареале фракийских племен, хотя бы потому, что фракийцы, у которых ономастика с *-vθ-* столь же «исконна», как и у «пеласгов», в период, доступный более или менее конкретному исследованию, уже населяли восточные Балканы, о чем с особой доказательностью свидетельствуют известные гидронимические факты, поэтому движение с юга на север (из Греции во Фракию) для носителей языка с элементом *-vθ-* исключено⁹. Все это при практически полном отсутствии на Балканском п-ове ономастики на *-nd-* (греч. передача *-vθ-*), столь характерной для малоазийского (анатолийского) ареала.

2. Сопоставление фонетических систем «пеласгского» и фракийского (основные черты).

⁵ A. Carnoy, Dictionnaire étymologique du proto-indoeuropéen, Louvain, 1955, стр. VIII, и др. работы.

⁶ A. Carnoy, Dictionnaire étymologique des noms grecs des plantes, Louvain, 1959, стр. VII.

⁷ A. Heubeck, Paesagraea, Erlangen, 1961; критическое изложение гипотезы Хойбека см. в кн.: Л. А. Гидин, Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, стр. 35—40; там же, стр. 30—35, рассматриваются взгляды его предшественников — Л. Палмера, Дж. Мелларта и Дж. Хаксли.

⁸ Об анатолийском слое в догреческом индоевропейском субстрате см. указанную монографию автора (особенно гл. 4, раздел Б).

⁹ Более того, есть все основания предполагать, что движение фракийских племен осуществлялось от предгорий Карпат в области южнее Дуная (В. Томашек, П. Кречмер и др.).

И.-е.	«Пеласг.»	Фрак.
o	ā	a
ō	ō	o, позже u > ū > i
ā	ā	ā ¹⁰
ē	ē	ā с возможной ¹⁰
ē	ē	прейотацией
u	un (on)	un (on)
u	um (om)	um (om)
u	ur (or)	ur (or)
u	ul (ol)	ul (ol)
p, t, k	ph, th, kh,	ph, th, kh ¹¹
b, d, g	p, t, k	p, t, k ¹²
bh, dh, gh	b, d, g	b, d, g
k̂, ĝ, ĝh	s, (f), z (d), d	s, (f), z (d), d ¹³
k ^w , g ^w , gh ^w	kh, k, g	kh, k, g
s-, -s-	s-, -s-	s-, -s-
sw	s-	s-

Итак, наблюдается почти полная тождественность фонетических систем. Обращает на себя внимание совпадение в таких важнейших для индоевропейской диалектологии чертах, как судьба *ō*, трактовка сонантов, передвижение согласных и ассимиляция палатальных. Фиксируя отдельные фонетические различия между «пеласгским» и фракийским, необходимо помнить, что эволюция «пеласгского» приостановилась на рубеже II тысячелетия до н. э., а фракийский в той или иной форме существовал вплоть до VI века н. э.

Специальный интерес вызывает передвижение согласных, которое сближает по этой линии «пеласгский» и фракийский с германским, армянским, фригийским и хетто-лувийским (в последних двух, в хетто-лувийском более очевидно, предполагается, если не передвижение в полном смысле, то сильные тенденции к этому¹⁴).

Примечательно, что указанные языки, кроме германского, в той или иной степени, причастны к балканскому языковому кругу. Действительно, многие считают армянский язык близко родственным фригийскому¹⁵,

¹⁰ Ср.: K. V l a h o v, Die Vertretung der indo-europäischen ā und ē im Thrakischen», Годишник на Софийския ун-т», филол. фак-т, LX, 1966, стр. 45 и сл.

¹¹ Видимо, придыхание глухих аспират осуществлялось во фракийском с меньшей силой, чем в греческом, откуда их передача, то посредством *φ, θ, χ, ph, th, kh*, то с помощью *п, т, ж, р, і, с*.

¹² В некоторых случаях и.-е. неаспирированные звонкие оставались без изменения (согласно Дечеву, под влиянием соотносимых греческих имен).

¹³ Имеются также случаи неспирантизированного палатального.

¹⁴ О передвижении во фригийском см.: В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 140 и сл.; О. Н а а s, Die phrygischen Sprachdenkmäler, Sofia, 1966, стр. 209 и сл., и др. более ранние работы (против: R. G u s m a n i, Il frigio e le altre lingue indoeuropee, «Rendiconti dell'Institutito lombardo di scienze e lettere», 93, 1, 1959, стр. 20; о передвижении в хеттском см.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке, «Переднеазиатский сборник», М., 1961, стр. 211 и сл.; ср.: Н. K r o n a s s e r, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956, стр. 58; А. Н е u b e c k, указ. соч., стр. 21 и сл.

¹⁵ Из послевоенной литературы см.: G. B o n f a n t e, Armenians and Phrygians, «Armenian quarterly», I, 1, 1946, стр. 82 и сл.; В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 138 и сл.; его же, Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян, ВЯ, 1960, 5, стр. 35 и сл.; краткое изложение истории вопроса, включая более старую литературу см.: G. R. S o l t a, Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, стр. 461 (при общем скептическом отношении автора к армяно-фригийской близости); А. K a m m e n h u b e r, Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache, KZ, 77, 1—2, 1961, стр. 39 и при-

либо ищут прародину армян на Балканах вблизи протофригийского ареала¹⁶. Второе мнение кажется нам предпочтительнее, поскольку специфические армяно-фригийские соответствия слишком малочислены¹⁷, хотя известные свидетельства древних — Геродота (VII, 73) Ἀρμένιοι Φρυγῶν ἀπὸ τοῦ и Евдокса Книдского: Ἀρμένιοι δὲ τὸ μὲν γένος ἐκ Φρυγίας καὶ τῇ φωνῇ πολλὰ φρυγίζουσι¹⁸ — говорят как будто в пользу первого предположения. Именно ареальный характер близости фригийского и армянского косвенно подтверждается не вызывающей сомнения реконструкцией греко-арийско-армянской пространственной общности, располагавшейся, по всей видимости, на обширной территории, охватывающей центрально-восточные области Балканского п-ова и степные районы северного Причерноморья. К этой общности по ряду черт, например, наличию аугмента, указываемому, помимо того, на сравнительно позднее ее образование¹⁹, можно присоединить и фригийский²⁰. *Terminus post quem* данной ареальной совокупности окажется в таком случае изоглосса *r-medio-passivi* 3-го лица ед. и мн. чисел, реализовавшаяся во фригийском уже после отделения греческого, арийского и армянского от основного ядра индоевропейских диалектов. Что же касается хетто-лувийцев, то с самого начала распространившаяся мысль о их пребывании в преданатолийскую эпоху на северо-востоке Балканского п-ова, либо на территории сопредельной указанному району, еще никем не опровергнута сколько-нибудь существенным образом²¹. Более того, этот тезис, выте-

меч. 4; ср.: И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, Ереван, 1968, стр. 204 и сл., и др.

¹⁶ O. Naas, *Armenier und Phryger*, «Балканское языкознание», III, 2, 1961, стр. 29 и сл., и др. работы; Г. Б. Джаукян, *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван, 1967, стр. 30 и сл.; е г о ж е, *Армянский и древние индоевропейские языки*, Ереван, 1970, стр. 171 и сл. (резюме на русск. яз.); В. П о р ц и г, *Членение индоевропейской общности*, М., 1964, стр. 227; ср.: R. G u s t a n i, указ. соч., стр. 45 и сл.

¹⁷ Впрочем на фоне крайней скудости фригийского апеллятивного материала вряд ли правомерно придавать первостепенное значение единичности эксклюзивных фригийско-армянских соответствий (см. об этом нашу рецензию на указанную книгу Зольты в сб. «Этимология. 1964», М., 1965, стр. 364). В этом связи знаменательна позиция Порцига, с одной стороны, признающего ареальное соседство фригийского и армянского, с другой, отдающего себе отчет в том, что «мы уже не в состоянии выяснить связи между фригийским и армянским языками, на которые, по-видимому, содержит намек замечание Геродота» (В. П о р ц и г, указ. соч., стр. 230; немецкое издание, стр. 155).

¹⁸ Извлечение из Стефана Византийского s. v. Ἀρμένια.

¹⁹ См.: И. М. Т р о н с к и й, *Общиневропейское языковое состояние*, Л., 1967, стр. 93 и сл.; Э. А. Макаев, *Арханзмы и инновации в ведлическом*, «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18–20 января 1965 г.», М., 1968, стр. 394; ср.: В. П о р ц и г, указ. соч., стр. 133.

²⁰ Ср.: В. П о р ц и г, указ. соч., стр. 133; Э. Бенвенист, *Тохарский и индоевропейский*, сб. «Тохарские языки», М., 1959, стр. 105 и сл.

²¹ О возможном пребывании хетто-лувийцев на севере Балканского п-ова в послевоенной литературе см.: А. В. Десницкая, *Вступительная статья к переводу кн.: И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка*, М., 1952, стр. 14 и сл. (с краткой характеристикой проблемы в целом); J. H a g m a t t a, указ. соч., стр. 42 и сл.; И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 25 и подробнее примеч. 35; из видных археологов за пребывание лувийцев (не хеттов) в центрально- и северо-восточных областях Балкан до середины III тысячелетия несколько лет назад в ряде работ высказался Дж. Мелларт (см.: J. M e l l a r t, *The end of the early bronze age in Anatolia and the Aegean*, «American journal of archaeology», 62, 1, 1958, стр. 9 и сл.; е г о ж е, *Anatolia and the Balkans*, «Antiquity», XXXIV, 136, 1960, стр. 270 и сл. (значительно конкретнее, чем в предыдущей работе, и вопреки своему докладу на упомянутом симпозиуме в Пловдиве, о котором вместе с другими археологическими докладами, устанавливающими связи в материальной культуре Балкан и Анатолии см. информационный автор, ВЯ, 1970, 2, стр. 140. Здесь намеренно оставлен в стороне пока еще недостаточно ясный для нас самих вопрос о путях переселения хетто-лувийцев в Анатолию; отметим лишь, что предположенный выше хетто-лувийский ареал в преданатолийский период допускает

кающий главным образом из промежуточного положения хеттского в аспекте ареальной дистрибуции индоевропейских диалектов, выразившемся в существовании, преимущественно в области словаря, наряду с изоглоссами, явно объединяющими хеттский с языками восточной индоевропейской зоны²², изоглосс, сближающих хеттский с западноиндоевропейскими языками (италийскими и германскими)²³ — может быть, видимо, подкреплен новыми данными из разряда обычной лексики и особенно важными при реконструкции реальной этнолингвистической географии ономастическими фактами, включая балкано-хетто-лувийский материал, чему мы намерены посвятить специальную работу²⁴.

Таким образом, «пеласгский» и фракийский разделяют с армянским, фригийским и хеттским в качестве одной из самых характерных черт тенденцию к передвижению согласных, принявшую в армянском и, возможно, фракийском с течением времени форму закономерности²⁵. В то же время по другим существенным фонетическим параметрам упомянутые языки расходятся (в разной степени) с «пеласгским» и фракийским, в частности: армянский — трактовка *б* и сонантов; фригийский — трактовка сонантов, ассимиляция палатальных наряду с выявлением веларного на их месте в целом ряде лексем; хетто-лувийский — трактовка сонантов, наличие лабиовеларных²⁶. Изложенное, как кажется, включает достаточно отправных точек, чтобы постулировать в центрально- и северо-восточных областях Балканского п-ова з о н у я з ы к о в с передвижением согласных, составивших, по-видимому, своего рода древнейший балканский языковой союз²⁷.

a priori как движение через Кавказ, так и через Балканы (ср. точку зрения А. Камменхубер, несмотря на включение хетто-лувийского в западную индоевропейскую зону языков, признающую восточный путь переселения, см. соответствующую литературу ниже в примеч. 22; ср. еще: В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963, стр. 11).

²² См. об этом, кроме известных высказываний Порцига: R. Gusmani, *Il lessico ittita*, Napoli, 1968 (с литературой); о принадлежности хетто-лувийского к западной диалектной индоевропейской зоне, видимо, менее убедительно см.: A. Kammenhuber, *Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen...*; е е же, *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch*, в кн.: «Handbuch der Orientalistik», II, 2; *Altkeleinsasiatische Sprachen*, Leiden, 1969 (особенно § 56).

²³ (Особенно в связи хеттского с указанными западноевропейскими языками акцентируются в работах: P. Franzaroli, *Contributo alla definizione dialettale dell'ittita*, «Atti e memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere «La Colombaria», XXII, Firenze, 1958; ср.: е го же, *L'antefatto indoeuropeo nella formazione della civiltà ittita*, «La Parola del Passato», LXVII, 1951, стр. 263 и сл.; ср.: E. Laroche [реп. на стр.]: P. Franzaroli, *Contributo alla definizione dialettale dell'ittita*, BSLP, 54, 2, 1959, стр. 84; I. Sordani, *L'ittita e le lingue ie. occidentali*, «Rendiconti dell'Istituto lombardo di scienze e lettere», 93, 1, 1959, стр. 203 и сл.

²⁴ Ср. сообщение автора на Пловдивском симпозиуме «Фрако-малоазийские лексико-ономастические отношения», о котором см. указанную в примеч. 21 информацию (стр. 140).

²⁵ Наличие смычных дублетов, например, *ḫuḫḫe* «лебедь» и пр., как отражение тенденции, но не строгой закономерности к передвижению согласных в «пеласгском», привело Ван-Виндекенса даже к мысли о двух пеласгских диалектах: один с передвижением согласных, другой — без передвижения. (A. J. Van Windekens, *Phonétique des mots grecs d'origine préhellénique*, «Phonetica», 3, 4, 1959, стр. 214; е го же, *Etudes pélasgiques*, Louvain, 1960, стр. 6 и сл., и др.). А. Хойбек видит в этом явлении попросту безразличие к артикуляции индоевропейских смычных, якобы свойственных догреческому и хеттскому (A. Heubeck, указ. соч.).

²⁶ Ср. интересную сопоставительную таблицу фонетических и некоторых морфологических черт армянского и древнейших языков Балканского п-ова и Малой Азии в кн.: Г. Б. Джаукян, Армянский и древние индоевропейские языки, стр. 173.

²⁷ Ср.: О. Н. А. С., *Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland*, стр. 43 и сл.; е го же, *Armenier und Phryger*, стр. 35; см. также о койне (resp. языковом союзе), включавшем фракийский, фригийский, македонский и армянский в указанной статье Р. Гусмани (стр. 44 и сл. и др.).

Второй столь же специфической особенностью, придающей данной зоне еще одну черту «переходности», следует признать ассимиляцию индоевропейских палатальных, проявившуюся в упомянутых языках в разной степени, поскольку в них сохранились, также в различной пропорции, лексемы с кентумной характеристикой; такое положение вещей обуславливается, по-видимому, тем, что в очерченном ареале пролегли периферические рубежи изоглоссы *satəm*, распространявшейся из эпицентра, располагавшегося в арийский языках²⁸. Затронутый вопрос требует особого рассмотрения, в котором нет возможности здесь углубляться. Позволим себе лишь остановиться на сатемных рефlekсах палатальных с большой долей правдоподобия обнаруживаемых в хетто-лувийских языках²⁹, так как это имеет, по нашему мнению, самое непосредственное касательство к относительной и в определенном приближении абсолютной датировке пребывания хеттов на северо-востоке Балкан или сопредельных районах к северо-востоку.

Хетто-лувийские памятники сохранили несколько слов, в которых в позиции перед и индоевропейские заднеязычные палатальные — практически речь пока может идти только об и.-е. **k̑* — проявляются в качестве свистящих фонем. К таким случаям были отнесены более или менее твердо прежде всего три лексемы из иероглифических текстов, на языке, близком к лувийскому клинописному, это: *āšwa-* «лошадь» <и.-е. **ek̑wo-*, ср. др.-инд. *āśva-*, лат. *equus* и пр.; *šupan-* «собака» <и.-е. **k̑iwo-*, ср. др.-инд. *ś(u)vā*, греч. *χῶν* и пр.; *šurna-* «рог» <и.-е. **k̑rno-*, ср. др.-инд. *śr̥ṅga-*, гот. *haur̥n* и пр.³⁰. Мысль о заимствовании перечисленных слов от переднеазиатских арийцев следует отбросить, уже потому, что из арийского (точнее индо-арийского) в хеттский проникли через хурритское посредство, кроме отдельных богов единичные термины узко профессиональной лексики, связанной с практикой коневодства; их засви-

²⁸ О возникновении перехода старых палатальных в щелевые (сibilанты и шипящие) в иранских языках с дальнейшей иррадиацией за пределы арийского ареала в после индоевропейский период, когда уже произошло обособление отдельных языков см.: V. P i s a n i, *Studi sulla preistoria delle lingue indeuropee*, Roma, 1933, стр. 551 и сл., особенно стр. 564 и сл.; е го же, *La ricostruzione dell'indeuropeo e del suo sistema fonetico*, «Archivio glottologico italiano», XLVI, 1, 1961, стр. 16 и сл.; В. П о р ц и г, указ. соч., стр. 112 и сл.; 116 и сл.; вслед за ним: A. K a m m e n h u b e r, *Zur Stellung des Hethitisch-Luwisch...*, стр. 38; Ср.: В я ч. В. И в а н о в, Проблема языков *centum* и *satəm*, ВЯ, 1958, 4, стр. 15.

²⁹ Специально об этом с подробной литературой и квалификацией анатолийских языков в качестве южного продолжения «обширной группы индоевропейских диалектов, являющихся переходными между языками *centum* и теми диалектами типа *satəm*, которые осуществили ассимиляцию палатальных», см.: В я ч. В. И в а н о в, Проблема языков *centum* и *satəm*, стр. 18 и сл.; е го же, Хеттский язык, М., 1963, стр. 90 и сл.; см. также монографическую статью с привлечением дополнительных фактов, иллюстрирующих сатемные рефlekсы в хетто-лувийских языках раннего и позднего периода: H. G u s m a n i, *Forme «satəm» in Asia Minore*, сб.: «*Studia classica et orientalia Antonino Pagliano oblata*», II, Roma, 1969, стр. 281—332; ср.: G. R. S o l t a, *Palatalisierung und Labialisierung*, IF, 70, 3, 1965, стр. 279, 314, примеч. 170.

³⁰ Сibilантное чтение слогового знака, транслитерированного здесь в соответствии с системой Гельба через *šu*, предложено последним в кн.: I. J. G e l b, *Hittite Hieroglyphs*, III, Chicago, 1942, стр. 19 и сл.; против гипотезы Гельба — Бонфанте (I. J. G e l b, указ. соч.; G. B o n f a n t e, I. J. G e l b, *The Position of «Hieroglyphic Hittite» among Indo-European Languages*, «*Journal of the American oriental society*», 64, 4, 1944, стр. 175 и сл.), причисливших на основании выше приведенных фактов и некоторых других язык хеттских иероглифов к группе *satəm*, см.: A. G o e t z e, [рец. на кн.]: J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, «*Language*», 30, 3, 1954, стр. 405, где предлагается объяснение ассимиляции и.-е. **k̑* действием комбинаторных факторов в позиции перед и; ср.: е го же, *Hittite and the Indo-European languages*, JAOS, 65, 1, 1945, стр. 51 и сл.; ср. также близкую интерпретацию данных фактов в кн.: A. K a m m e n h u b e r, *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch*, стр. 341.

детельствование ограничивается как будто трактатом Киккули, в котором между прочим лошадь обозначается обычно шумерской идеограммой ANSE. KUR. RA и реже хурр. *išši(ja)* ³¹.

В свою очередь в хеттском клинописном также предполагается на фоне общего кентумного фонематического облика три словоформы, содержащие перед и переднеязычный спира́нт, развившийся из индоевропейского палатального **k̥*, как то: *šūa-* «наполнять(ся)», лув. кл. *šūa-*, лув. иер. *šūwa-* то же ³², ср. др.-инд. *śváyati* «быть или становиться большим, мощным, сильным», *śavas-* «сила», греч. *χῶς* «утробный плод, зародыш», *χῶσω* «быть или становиться беременной» и пр. (и.-е. *kui-eje-*); *šurpi-* «чистый, святой», ср. др.-инд. *śubha-* «блеск, красота», *śubhrá-* «блестящий, красивый, светлый», и пр. (и.-е. *kubh-*); *šup(p)ala-* «стадо животных, скот», его первая часть *šu-* через реконструируемую форму **pšu* сопоставляется (А. Гетце) с авест. *fšā-* (в словениях) — нулевой ступенью от и.-е. **reku-*, авест. *pasu-*, лат. *pecus* «скот» ³³. При этом последняя этимология производит впечатление искусственности и отвергается большинством ученых ³⁴.

Заманчивые попытки найти в хеттском клинописном слова, в которых бы задненебный палатальный давал переднеязычный спира́нт в позиции не перед и, пока еще нельзя признать удачным ³⁵.

Не исключено, что действие изоглоссы *satəm*, достигшей хетто-лувийских языков незадолго до переселения их носителей в Анатолию, так и ограничилось, по крайней мере в хеттском клинописном, отдельными случаями в положении и.-е. *k̥* перед и ³⁶. Об относительно позднем возникновении отмеченного явления, по-видимому, свидетельствует упоминавшееся выше в той же связи лув. иер. *šurpa-* «рог», могущее осуществить

³¹ Помимо того, например, Розенкранц при спорности точной фонетической идентификации слогового знака для свистящего *+* и (№ 448 по Ларошу) предлагает транскрипцию слова «рог» — *ḫu-r-nā* и соответственно слова «лошадь» *a-ḫu-ka*, где *ḫ* интердентальный спира́нт: А. Камменхубер также отвергает идею заимствования иер. *āšūa* из арийского (см.: А. Камменхубер, *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961, стр. 13, примеч. 45. О развитии индоевропейского наследия в данном слове наряду с иер. *šūan-* см.: М. Маургофер, *Hethitisches und arisches Lexikon*, IF, 70, 3, 1965, стр. 256 с ссылкой на упомянутую выше работу Розенкранца; ср.: Н. Кронассер, *Etymologie der hethitischen Sprache*, 1, Wiesbaden, 1962, стр. 49, где автор по-прежнему настаивает на заимствовании всей группы слов; подробнее см.: его же, *Zum Bildhethitischen*, АО, 25, 4, 1957, стр. 513 и сл.

³² О лувийской форме см.: Е. Лароше, *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959, стр. 88.

³³ Все три этимологии помещены А. Гетце в цитированной выше рецензии на словарь Фридриха (стр. 403 и сл.) с объяснением перехода и.-е. **k̥* > хетт. *š* перед и в качестве комбинаторного изменения, аналогичного трансформации палатального в рассмотренных лувийских нероглифических словах (см. примеч. 30 настоящей работы). Одновременно и независимо от А. Гетце равнозначные этимологии хетт. кл. *šurpi-*, *šūa-*, помимо того *šaša-* (см. о нем ниже примеч. 35), даны В. Пизани тоже в рецензии на указанный словарь Фридриха («Paideia», IX, 2, стр. 128); позже эти сопоставления повторены им в статье «La ricostruzione dell'indoeuropeo...», стр. 18.

³⁴ Из новой литературы см.: R. Гусмани, указ. соч., стр. 313, примеч. 3.

³⁵ Для хет. кл. *šaša-*, сопоставленного В. Пизани в указ. рец. (стр. 128) с др.-инд. *śaśā-* «заяц», нем. *Hase* то же и пр., значение «заяц» подвергается сомнению, см.: М. Маургофер, указ. соч., стр. 257, примеч. 56; его же, *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 21, Heidelberg, 1970, стр. 316 и сл. (в обеих работах с литературой); кроме того, в любом случае это слово может оказаться заимствованным «бродячим термином», см.: R. Гусмани, указ. соч., стр. 311 и сл.; ср. В. Я. В. Иванов. Проблема языков centum и satem, стр. 20. Относительно неправомерности сравнения хет. кл. *šakkar* (= *zakkar*), gen. *šaknaš* «экскременты» с др.-инд. *śákṛt*, gen. *śaknaḥ* то же и пр. см.: R. Гусмани, указ. соч.; М. Маургофер, указ. соч., стр. 288.

³⁶ Некоторые факты поведения заднеязычных палатальных в иных позициях, засвидетельствованные в лувийском клинописном, Р. Гусмани (указ. соч., стр. 314 и) пытается объяснять общим действием сатемной тенденции.

ассимиляцию палатального только после перехода [и.-е. **r* > *ur*, ср. родственное, но с иной рефлексацией сонанта хет. кл. *karaṣar* (то же), где палатальный оказался в позиции не перед *u*³⁷. Вместе с тем, судя по варьированию рефлексов **r* в хетто-лувийских языках обоих периодов, вокализация этого сонанта сама произошла, когда в хетто-лувийском уже наметились и начали проявляться черты диалектного дробления³⁸, что также указывает на позднюю дату появления хетто-лувийской сатемной тенденции с потенциальной возможностью неоднотипной трактовки палатальных по различным диалектам.

В плане намеченной гипотезы о сопричастии хетто-лувийских языков к балканской (resp. балтийской) «переходной» зоне существенно важным представляется наличие в хетто-лувийском словаре лексем, восходящих к индоевропейским корням, проведенным в языках данного ареала ассимиляцию палатальных нерегулярно. Имеются в виду неоднократно отмечаемые в связи с непоследовательностью трактовки задненебных палатальных: лув. иер. *šuwān-* при фрак. *Καυδαίως*, *Καυδαίος*, эпитет Ареса из Крестоны, буквально «собакодав, душитель собак», родственный *Καυδαίολης*, менийский эпитет Гермеса, переведенный Гиппонактом через *κυνάρχης*, фриг. **χόνες*, известном благодаря свидетельству Платона (Кратил, 410), арм. *šun* «собака», латыш. *kupa* «сука», наряду с *suns* «собака», литов. *šuo*, ген. *šūšs*, др.-прусск. *sunis* то же; лув. иер. *šurna-* при ст.-латыш. *sirna*, латыш. *stirna*, литов. *stirna*, др.-прусск. *sirwis*, слав. **šьrna* «серна», «пеласг.» *σεῖροι-ἐλαφοί* (Гесикий), но литов. *kārvė* «корова», др.-прусск. *kurwis* «бык», слав. **korva*, алб. *ka* «вол», хет. *karaṣar* «рог»³⁹; как уже отмечалось, ассимиляция в лувийских словах проведена перед *u*. Напротив, несмотря на последующее *u* в хет. кл. *zama(n)kur* «борода» выступает веллярный, подобно литов. *smakrà* «подбородок», алб. *mfekrë* «подбородок, борода», ср. др.-инд. *śmāśru-* «борода»⁴⁰.

Рассмотренные факты ассимиляции (resp. спирализации) индоевропейских задненебных палатальных в хетто-лувийских языках создают предпосылки для постулирования нижней хронологической границы пребывания хетто-лувийцев в предполагаемом районе (северо-восток Балкан или сопредельные территории к северо-востоку). Такой границей может служить начало распространения в балкано-балтийской языковой зоне сатемной тенденции к развитию щелевых на месте задненебных палатальных, успевшей затронуть хетто-лувийские языки лишь в незначительной степени (см. также ниже п. 5).

3. Словообразование. В дополнение к пункту 1 можно добавить лишь то, что и остальные словообразовательные элементы, выделяемые обычно в догреческом гетерогенном субстрате: -σ (σ) /-тτ-, -v-, -μ-, -λ-, -ρ- полностью идентичны фракийским ономастическим формам, о чем убедительно свидетельствует обратный словарь К. Влахова⁴¹.

³⁷ См.: В. Яч. В. Иванов, указ. соч., стр. 21, и другие авторы.

³⁸ См., например, ранне- и позднехетто-лувийские отражения и.-е. **bhergh* в кн.: А. Нейбеск, указ. соч., стр. 53 и сл.; Л. А. Гиндин, Язык древнейшего населения..., стр. 154 и сл. (с литературой). О диалектном переходе **r* > *ur* при обычном для хеттского **r* > *ar* см.: В. В. Иванов, Хеттский язык, стр. 90 и сл.

³⁹ Впрочем ср. мысль О. Н. Трубачева о симптоматичности распределения рефлексов **k*: в названиях диких животных — *s*, домашних — *k*, в кн.: «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (М., 1960, стр. 41).

⁴⁰ По поводу промежуточного положения анатолийских языков в аспекте ассимиляции и.-е. палатальных с материалом см.: В. Яч. В. Иванов, Проблема *centum* и *satem*, стр. 21, и другие его работы.

⁴¹ К. Vlachov, Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch, «Годишник на Софийския ун-т, филол. фак-т, LVII, 2, 1963, стр. 323 и сл.

Впрочем здесь необходимо учитывать два момента: 1) омонимию словообразовательных средств различных (индоевропейских и неиндоевропейских) языков Средиземноморья, включая греческий ⁴²; 2) возможность единообразной адаптации при греческой передаче туземных ономастических лексем. Последнее отнюдь не исключает, а напротив предполагает по большей части однородность исходного материала. На фоне отмеченной омонимии совпадение фонетических систем «пеласгского» и фракийского и тождество морфемы *-vθ-* особенно показательны.

4. Лексико-ономастические связи фракийского и «пеласгского».

а. Фрак. топоним (этноним): «пеласг.» апеллатив.

Asamus ⁴³ — приток Истра в Мезии, визант. *Ὠμός* совр. *Осьм*; castell в устье *Anasamus*, *Ansamus*, *Ἀσμη*: «пеласг.» *ἀσάμινθος* («каменная ванна»).

Ἀσται, *Astae*, *Astii* (sing. *Asta*, *Astius*) — племя в области горы Странджа; *Ἀστική*, *Astice* — страна этого племени; *mons Asticus* — гора Странджа: «пеласг.» *ἀστω* «город».

Ἀφινθιοί, *Ἀφινθίοι* — племя севернее Фракийского Херсонеса; *Ἀφινθος*, *Ἀφυνθος* — пограничная река и основная территория этого племени; *Ἀφινθίς*, *Ἀφυνθίς* — страна того же племени: «пеласг.» *ἀφινθιον* «попынь».

Ὀλυνθος, *Olynthus*, *Olynthos* — город между горой Афон и п-овом Паллена: «пеласг.» *ὄλυνθος* поздняя, обычно не вызревающая фига.

Περινθίος, *Πέρινθος*, *Perinthus* — город в Пропонтиде; *Περινθιοί*, *Περίνθιοι* — этникон от него: «пеласг.» *περίνθια* (асс.) «дорожный короб» ⁴⁴. Нам еще не удалось провести сплошное обследование фракийского материала, так что возможны и другие сравнения этого типа, однако если учесть относительно небольшое число имен собственных на *-vθ-* с вычетом 22 антропонимов, содержащих пока неясный второй компонент *-κευθος*, включая и личное имя *Κευθος*, то приведенный материал производит весьма внушительное впечатление.

б. Сюда же редкое сравнение (при единичности фракийских глосс) типа «пеласг.» топоним — фрак. апеллатив: «пеласг.» *Προβλινθος*, *Προβλινθος*, *-ιδος* — город и дем в Аттике: фрак. *βλινθος* «бизон, дикий бык». Пример с другой морфемой: фрак. *Βολβη* — озеро в Мигдонии с castell того же названия, имеющим также форму *βλβος*: «пеласг.» *βολβος* «лук порей» ⁴⁵.

б. Фрак. топоним (этопоним): «пеласг.» топоним.

Ἀσαι — местечко во Фракии и Греции (Коринф): и.-е. корень **ak-*, ср. *ἀσάμινθος*, сюда же, возможно фрак. местные названия *Ἀττα*, *Ἀτταρχ* ⁴⁶.

**Ῥή-κυνθος* — гора во Фракии (восстанавливается по *Ῥηκύνθιον ὄρος* и *Ῥηκυνθίδος* (*Ῥης*): «пеласг.» *Κύνθος* — гора на о. Делос; *Ἀττα-*

⁴² Специально о тождестве догреческих и ранне- и позднеанатолийских словообразовательных типов см.: Л. Гиндин, указ. соч., гл. III, § 10.

⁴³ Здесь и далее фракийские названия приводятся по словарю: D. Detschey, *Die thrakischen Sprachreste*, Wien. 1957.

⁴⁴ О догреческом («пеласгском») происхождении апеллатива см.: W. Merling, *Zum «Vorgriechischen»*, «Балканское языковедение», V, 2, стр. 30; иные этимологии топонима: там же, стр. 13; В. И. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языковедению*, стр. 95; В. Л. Георгиев, *Значение на съвременната топонимия за объяснение на древните географски названия*, «Известия на Института за български език», XIV, София, 1967, стр. 15 и сл. (с литературой).

⁴⁵ О догреческом («пеласгском») происхождении апеллатива см.: W. Merling, *g e n*, указ. соч., стр. 21.

⁴⁶ В. Л. Георгиев (указ. соч., стр. 8) ставит фрак. *Ἀσαι* и, возможно, *Ἀσσα* в более непосредственную связь с фрак. (дак.) глоссой *ασα* «раст. мать-и-мачеха».

ὄρος — название гор в Этолии, Беотии и Аттике (отнесение сюда Ζάκυνθος, Κόρινθος — вопрос по ряду причин еще спорный).

Πάννος, *Pannysis* — река на Черноморском побережье; *Pannisos* — стоянка на этом берегу: «пеласг.» Πάννος река в Фессалии = Πάνισος — гидроним в Мессении, Лаконике, Элиде и Фессалии.

Κύρροι — место во Фракии⁴⁷, фрак. племя с неизвестным местом обитания; фрак. личное имя Κυρρίς: догреч. («пеласг»). Κύρεια, κυρτεῖος πάρος — название о. Саламин, ср. имя героя Κυρρεῖς.

Число двусторонних фракийско-«пеласгских» соответствий, надо полагать, может быть увеличено, однако вряд ли значительно. Во всяком случае оно ни в какое сравнение не идет с числом догреческо-анатолийских (гесп. малоазийских) тождественных лексем (на их этимологическом анализе построена уже упоминавшаяся монография автора) и даже с числом фракийско-анатолийских и фракийско-анатолийско-догреческих соположений. Кроме того, в отличие от догреческо-анатолийских и фракийско-анатолийских лексемных тождеств во фракийско-«пеласгских» связях превалируют по преимуществу сопоставления топоним (этнимом): апеллатив, меньше топоним (этнимом): топоним на уровне основ и даже корней.

5. Некоторые лингво-этнические выводы. В связи с отмеченной диспропорцией в количестве и характере лексических идентификаций по сравниваемым языкам при почти полном совпадении фонетических черт и набора словообразовательных элементов «пеласгского» и фракийского будет своевременным поставить вопрос, о, возможно, различном происхождении языковой близости между «пеласгским» и фракийским, с одной стороны, и «пеласгским» (а также фракийским) и хетто-лувийскими языками, с другой. Основной источник подобного своеобразия, по нашему мнению, нужно искать в том обстоятельстве, что между «пеласгским» и фракийским были отношения родства, а между хетто-лувийскими (анатолийскими) и названными языками пространственные отношения (адстратные и субстратно-суперстратные), при которых заимствуются по преимуществу цельные лексемы с последующей адаптацией.

Таким образом, в итоге проделанной работы появляются вполне реальные основания для предположения о носителях «пеласгского» языка как об одном или нескольких племенах, выделившихся из многочисленных родственных этнических образований, получивших в классический период единое название — фракийцы. Движение на юг Балканского полуострова этой части восточнобалканских племен произошло, вероятно, уже после того, когда хетто-лувийцы покинули пределы территории, сопряженной балканской и балтийской «переходной» зоне, но до перемещения арийцев из областей к северу от Черного моря в места исторического обитания, поскольку «пеласгский» в противоположность хетто-лувийским был охвачен сатемной изоглоссой, в степени, подобной собственно фракийскому и другим языкам указанных районов. Изложенное вынуждает, помимо того, пересмотреть предлагаемую Порцигом абсолютную датировку проникновения сатемных тенденций в языки восточных балкан серединой II тысячелетия до н.э.⁴⁸ в сторону значительной древности, так как хетто-лувийцы по крайней мере 5—8 веками раньше переселились в Анатолию, «пеласгский» же язык мог появиться на территории Эллады не позднее последних веков III тысячелетия, до прихода туда греков. Столь ранним распадом фракийско-«пеласгской» генетической общности объясняется, по-видимому, и отсутствие в «пеласгской» топонимии таких характерных для фракийского ареала названий, как композиты с *-para* и *-bria*.

⁴⁷ W. Pape — G. Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, I, Graz, 1959, стр. 749.

⁴⁸ В. Порциг, указ. соч., стр. 17.